

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27
ББК 103.1

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

К. И. Белоусов
Н. Л. Зелянская
Оренбург, Россия

K. I. Belousov
N. L. Zelyanskaya
Orenburg, Russia

ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА

(по данным частотного анализа лексики)

Аннотация. Реконструируется образ мира политического деятеля по материалам его выступлений — неподготовленных речевых самопрезентаций. Реконструкция осуществлялась на основе центральных смыслов образа мира политика, эксплицированных с помощью частотного анализа лексики.

Ключевые слова: лингвистическая реконструкция; политика; картина мира; образ мира; частотный анализ.

Сведения об авторе: Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13.

e-mail: belousovki@gmail.com.

Сведения об авторе: Зелянская Наталья Львовна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13.

e-mail: zelyanskaya@gmail.com.

POLITICIAN'S IMAGE OF THE WORLD

(according to the frequency analysis of vocabulary)

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of statesman's image of the world on the material of his untrained speech self-presentations. Reconstruction was carried out on the basis of the central meanings of politician's image of the world explicated by frequency analysis of vocabulary.

Key words: linguistic reconstruction; politics; the picture of the world; the image of the world; frequency analysis.

About the author: Belousov Konstantin Igorevich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Orenburg State University.

About the author: Zelyanskaya Natalya Lvovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Orenburg State University.

1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ОБРАЗА МИРА. Традиционно проблематика образа мира мыслится как психологическая, относящаяся к сфере индивидуального мировосприятия и миромоделирования [Леонтьев 1983; Артемьева 1999; Зинченко 1983; Сычев 2008 и мн. др.]. А. Н. Леонтьев, развивая понятие образа мира, связывал его в рамках деятельности парадигмы в психологии с деятельностью субъекта: «...в психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности ... иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира — мира, в котором они живут, действуют, который они сами передают и частично создают; это — знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире» [Леонтьев 1983: 254] (ср.: «...образ мира, являясь идеальным, сам из себя (вне системы деятельностей) не формируется и не раскрывается» [Серкин 2009: 110]).

Образ мира — феноменом индивидуально-мировосприятия и миромоделирования, а потому, несомненно, социально обусловлен,

о чем справедливо пишет Е. А. Тарасов: «Самой существенной онтологической характеристикой ОМ, которая никогда не должна ускользать от внимания исследователя, является его сконструированность: ОМ — это социально сконструированная реальность» [Тарасов 2008: 10]. Не противоречит сказанному понимание образа мира как индивидуального эмоционально-смыслового преломления социальной картины мира в сознании отдельного человека [Мазлумян 2009: 103]. Образ мира тесно связан с понятием картины мира, которая в большей степени «поверхностна» и обусловлена знаковой природой отражения мира в сознании индивида. В концепции Е. Ю. Артемьевой образ мира предстает в виде системы из нескольких уровней (слоев): поверхностным, модальным слоем является перцептивный, далее следует семантический (который номинируется как *картина мира*), и, наконец, наиболее глубокий (образ мира в узком понимании) — слой амодальных структур, образующихся при «обработке» семантического слоя [Артемьева 1999: 21]. Этот «наиболее глубокий» слой образуют структуры, имеющие дихотомичную природу: опасный / неопасный и др. [Там же: 21]. Дихотомичности осевой структуры (с двумя полюсами) образа мира в психосемантике

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Министерства образования и науки (Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/9306).

© Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., 2012

соответствует метод ее измерения — метод многомерного шкалирования Ч. Осгуда [Осгуд 1972].

В то же время феномен образа мира как интериоризированной картины мира, на наш взгляд, может изучаться и вне экспериментального поля — на материале речевой / текстовой деятельности субъекта (ср.: «Так как КМ — это этноязыковая модель отражения мира на определенном уровне развития сознания, то при описании ее у разных культурно-языковых и даже социальных общностей исследователей интересуют главным образом содержательные различия на дискретном языковом уровне. Континуальность же внутренних отражений („чувственная ткань“ и „личностные смыслы“ по А. Н. Леонтьеву <...>) <...> может проявляться только в текстах — речевых и еще больше — поведенческих» [Мазлумян 2009: 103].

Методом реконструкции образа мира субъекта на материале его речевой деятельности может быть метод контент-анализа.

Метод контент-анализа может пониматься очень широко, как «...любая техника, предназначенная для получения выводов путем объективной и систематической регистрации определенных характеристик сообщений» [Holsti 1969: 14]. Такая трактовка контент-анализа свойственна для зарубежной методологии анализа текстов, однако при таком понимании контент-анализ уравнивается с методом анализа текстов вообще (с той оговоркой, что результаты анализа должны быть воспроизводимы). Существует и узкое понимание метода контент-анализа как квантитативного исчисления тех или иных единиц в анализируемом тексте: «Количественный контент-анализ — это систематическое и воспроизводимое исследование коммуникативных знаков, которым присваиваются количественные показатели в соответствии с валидными правилами измерения <...>, чтобы описать коммуникацию и сделать выводы относительно ее значения (смысла), либо выйти за пределы содержания коммуникации к контексту ее порождения и протекания» [Riffe 1988: 20].

Таким образом, цель контент-анализа — за наблюдаемыми характеристиками текста выявить имплицитную информацию о принципах построения самого текста, о характере коммуникации, в рамках которой транслируется текст, об особенностях мышления, мировидения, личностных качеств автора и образа адресата текста. Метод контент-анализа — это один из многих существующих сегодня методов анализа содержания сообщения, и сам он может осуществляться в двух «режимах» работы: «ручном» и автоматизированном (вообще метод контент-анализа широко применяется сегодня в социальных и гуманитарных науках, в том числе и при обращении к анализу политической реальности [Krippendorff 2004; Holsti 1969; Будаев, Чудинов 2006]. Ресурс

eLibrary.ru по запросу на ключевое слово «контент-анализ» показывает более 100 статей, в которых использовался данный метод). В «ручном» режиме составляется частотный словарь категорий, которые не могут быть выявлены с помощью простого подсчета слов (например, проявление иронии в тексте). Автоматизированный режим основывается на работе с лексемами и другими единицами, которые повторяются и могут быть представлены в словарях (например, фразеологическом словаре, разного рода перечнях устойчивых выражений и клише). Контент-анализ, осуществляемый на основе частотного словаря анализируемого текста (текстового массива), позволяет реконструировать семантическую структуру текста, выявить доминантные / периферийные направления смыслообразования, установить неосознаваемые (не высказанные прямо), но значимые для автора текста концепты и мн. др.

На сегодняшний день известны программы контент-анализа А. Н. Чуракова и ВААЛ В. И. Шалака; а также ряд программ построения конкорданса текста (MonoConc/ParaConc, WordSmith Tools, AOT А. Сокирко и др.). В нашем исследовании для осуществления частотного анализа использовалась информационная система «Семограф» [Система графосемантического моделирования]. Заметим, что частотный словарь продуцированных текстов, построенный с учетом актуализированных значений слов и частотности употребления их в речи, а также группировки лексем по лексико-семантическим полям, отражает картину мира, а пропорции распределения семантических полей, принципы организации семантического пространства выражают индивидуальное миромоделирование, т. е. образ мира.

2. ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ. Реконструкцию образа мира политика можно проводить на основе многих источников, из которых наиболее важный — это речь самого политика, то, как он откликается на окружающие события и мнения о нем. Речь наиболее ярко и достоверно свидетельствует о внутренних установках и мировидении.

Для публичного человека речь — это средство создания и управления действительностью, способ убеждения целевой аудитории в своей правоте (адекватности своей модели мира) и привлечения ее на свою сторону. Однако в процессе говорения политик проговаривается (мы подразумеваем неподготовленную речь): по тому, что и как человек говорит, можно понять, как он мыслит, что его настоящему волнует и какие смыслы в его картине мира являются доминантными. Поэтому в ходе исследования речи политического деятеля можно реконструировать наиболее значимые, транслируемые им фрагменты собственной картины мира и стоящего за ней образа мира.

Образ мира В. Путина реконструировался на основе двух подборок ответов на вопросы, собранных во время второго президентского срока. Материал составили пресс-конференции с отечественными и иностранными журналистами и ежегодное телеобщение с жителями страны. Общий объем материала (вопросы ведущих и слушателей в анализ не включались) — более 4 печатных листов (около 160 тыс. знаков).

Описание образа мира следует начать с обсуждения онтологических категорий — «координат бытия», пространства и времени.

Наименования пространства в речи В. Путина составляют 1259 случаев (здесь и далее приводится количество случаев на 26 558 словоупотреблений, встретившихся во всех проанализированных текстах), или 4,74 % от всех словоупотреблений (далее данные будут приводиться в сокращенном виде: 1259; 4,74 %), что больше, чем у любого другого из проанализированных нами политиков (Г. Зюганова, Б. Немцова, Э. Лимонова, Г. Каспарова) [См.: Белоусов 2011: 40—59]. В то же время пространство в картине мира политика весьма специфично. Так, наибольшее число слов данного смыслового поля приходится на **абстрактные наименования пространства** (519; 1,9 %): *страны (110), регион (42), область (18), республика (18), зона (13), район (7), город (21), территории (27), пространство (18)* и мн. др. То есть пространство В. Путина очень абстрактно, общо, часто лишено конкретики.

Пространство России (219; 0,8 %) представлено в основном общим наименованием — «Россия» (124), все остальные упоминания отечественного пространства в сумме встречаются реже (95), т. е. и российское пространство также большей частью абстрактно. Из всех названий городов, краев и т. п. наиболее часто встречаются следующие: *Москва (18), Петербург (4), Кавказ (11), Сочи (7)*. Интересно, что как однопорядковые в речи В. Путина упоминаются *Ботлих (4), Каспийск (1), Сочи (7) и Сибирь (4)*, не сопоставимые ни по размерам, ни по значимости. Из сибирских или уральских городов не упомянут ни один. Из других пространственных «объектов» называются *Владивосток (3), Калининград (2), Казань (1), Адлер (1), Грозный (1)*, а также ряд областей, краев и республик: *Московская область (1), Татарстан (3), Дагестан (2), Приморский (2)* и нек. др. Таким образом, пространство России для В. Путина абстрактно, в целом лишено конкретики. Конкретизация является либо в связи с обращением к «проблемным» регионам, в которых требуется постоянно подтверждать российское влияние (Владивосток, Калининград, Чечня, Дагестан), либо в связи с функционированием военных баз (Ботлих, Каспийск), либо в связи с «элитарностью» пространства (Москва, Петербург, Сочи). **Вся остальная Россия для В. Пути-**

на абстрактна, слабо дифференцирована, а следовательно, не является настолько важной, чтобы стать предметом заинтересованного обсуждения; она исключена из речевого пространства политика.

Данный вывод подтверждается и тем, что пространство зарубежья по количеству упоминаний «обгоняет» российское (298 против 219). Зарубежье представлено странами СНГ, Европой и США, Азией, Австралией и Африкой, причем степень дифференцированности здесь достаточно высока. Например, из европейских стран упоминаются следующие: *Германия (8), Франция (6), Великобритания (9), Косово (4), Болгария (3), Сербия (3), Латвия (3), Чехия (2), Италия (3), Литва (2), Румыния (2), Испания (1), Австрия (1), Шотландии (1), Черногория (1)*, что превышает количество упоминаемых В. Путиным субъектов РФ; также встречается *Каталония (1), Берлин (1), Мадрид (1), Гамбург (1), Хайлигендамм (1)*. Аналогично «строится» и остальное пространство зарубежья.

Время (453; 1,71 %) представлено общими наименованиями времени и его отрезков: *времен (39), срок (12), возраст (7), даты (5)*. Наиболее часто встречаются слова, обозначающие **настоящее** время: *сейчас (58), сегодня (27), теперь (22), сегодняшнего (11), современной (7), текущего (6)*, что вполне традиционно. Некоторая особенность состоит в довольно частом обращении к **прошедшему** времени: *прежде (34), раньше (9), 90-е (7), недавно (6), вчера (1), 95—98-х (2)*. Очевидно, это связано с критикой В. Путиным социально-экономической политики ельцинской эпохи. На фоне неудач этого периода политик демонстрирует свои достижения. Из **временных отрезков** самым частотным является *год (104)*. Значит, **ритм времени В. Путина умеренный**. Для сравнения: ритм времени Г. Зюганова малодифференцированный, неспешный (частое использование слов *век, столетие, (несколько) лет*); временной ритм Б. Немцова умеренный (наиболее частотное слово — *год*); ритм Г. Каспарова наиболее быстрый (самые частотные подобные слова у него — названия месяцев).

Люди (606; 2,28 %) так же, как и у других политиков, представлены многоаспектно. Встречаются абстрактные слова, называющие человека или группу лиц: *люди (74), граждане (35), население (20), человек (19), народ (16), общество (6)*. Очень частотны слова, обозначающие **национальную и/или территориальную** принадлежность человека: *татары (4), осетины (2), албанцы (1), баски (1), сербы (1), японцы (1), прибалты (1), иностранцы (3), россияне (2), казахстанцы (1), немцы (1)* и др. Встречается и обозначение человека по его родственным связям: *семья (12), родители (2), матери (2), отец (2), жена (1), сестра (1)*. Интересно, что В. Путин редко (на фоне проанализированных речей других политиков) [См.: Бело-

усов 2011: 40—59]) называет человека по его политической принадлежности: *демократ (2), беспартийный (1), политик (15)*. Наиболее часты в речи В. Путина наименования профессий: *тренер (2), журналист (2), госслужащий (3), врач (1), дипломат (1), бюджетник (3), водитель (1), рабочий (2)* и мн. др., — а **характерной особенностью его речи является обращение к людям военных профессий: военнослужащий (9), контрактники (4), офицеры (2), бойцы (1), воины (1), командиры (1), матросы (1), солдаты (1), моряки (1) и др. По количеству употреблений «мирные» профессии превышают военные всего в 1,4 раза, что **свидетельствует об особой значимости для В. Путина военной сферы**. Кроме того, в ответах встречаются наименования властных должностей: *президент (30), премьер-министр (2), губернатор (3), мэр (2), руководитель (8)* — с **очевидной жестко выраженной иерархией должностей**.**

Данная иерархичность проникает и в область **личных имен**, т. е. имен известных людей (35; 0,13 %). **Эта группа слов наиболее показательна, поскольку, на наш взгляд, вскрывает принципы, по которым организуется картина мира В. Путина**. Из всех людей, когда-либо живших или живущих в России, он называет только девять имен: *Луговой (4), Литвиненко (2), Ельцин (1), Зубков (1), Лужков (1), Шаймиев (1), Миронов (1), Потанин (1), Вексельберг (1)*. В речи В. Путина нам не встретились имена деятелей культуры, известных ученых, общественных деятелей. Политические деятели также представлены крайне избирательно, неполно и во многом случайно (все по одному разу). **Очевидно, что здесь мы имеем дело со стратегией замалчивания (умолчания)**. В то же время В. Путин относительно часто обращается к именам людей, находящихся с ним в одной социальной «нише»: *Назарбаев (3), Лукашенко (1), Тони (3), Гордон Браун (2), Шрёдер (2), Абэ (1), Пырванов (1), Саркози (1), Солана (1), Меркель (1), Хусейн (1), Махатма Ганди (1)* и др.

Таким образом, мышление В. Путина предельно иерархизировано, он четко делит мир на достойную его внимания часть (это проявляется и в наименованиях пространства России) и недостойную таковую в силу меньшей элитарности (низший должностной ранг, пространственная отдаленность, провинциальность и т. п.).

Показательным в этом отношении является и обращение В. Путина к проблемам социальной и военной сфер. Так, **оборона и военные силы** (327; 1,23 %) представлена широко и детально: *безопасность (27), оборона (19), вооружение (16), противоракетная (16), ПРО (4), ракеты (11), оружие (7), флот (4), армия (3), войска (2), Тополя (2), автоматы (2), крейсера (2), штурмовики (2), автоматы (1), ТУ-160 (1), Тополь-М (2), Искандер-М (1), гра-*

натометы (1), локатор (1), пулеметы (1), РВСН (1), СУ-34 (1), ружья (3) и мн. др. Предельная конкретность при обсуждении военной сферы может быть проиллюстрирована следующим примером: *Мы заканчиваем в этом году „Юрий Долгорукий“, он уже на стапеле стоит, и в конце года начнутся уже испытания на воде. Продолжится работа по строительству атомных подводных крейсеров стратегического назначения „Владимир Мономах“ и „Александр Невский“*. Как видно, политик не только упоминает о строительстве военных судов, но и перечисляет их «поименно».

Лексемы **социальной сферы** (138; 0,5 %), к которой мы отнесли слова, имеющие отношение к образованию, здравоохранению, ЖКХ, льготам, пенсионной реформе, зарплатам, демографии и экологии, в сумме упоминались почти в 3 раза меньше, чем наименования **военной сферы**. Очевидно, что по значимости для общества (и по охвату количества людей) эти сферы не являются сопоставимыми, значимость социальной сферы для человека и общества неизмеримо больше. В то же время В. Путина эта сфера интересует гораздо меньше. Вполне возможно, что **политик, как и многие его российские предшественники, при возникновении противоречий между интересами человека и государства стоит не на стороне человека**. Каковы бы ни были истинные причины такого противоречия общественных и государственных интересов, наш материал и в этот раз показывает избирательный и элитарный характер мышления В. Путина.

Социальная сфера в основном представлена **здравоохранением**. Касаясь проблем здравоохранения, В. Путин говорит о *здравоохранении (8), заболеваниях (3), лекарствах (2), диагнозах (2), протезировании (2), медицине (2), больницах (1), здравницах (1), поликлиниках (1), клиниках (2), лечении (1), препаратах (3)*. Проблемы же образования и науки обсуждаются с употреблением таких слов, как *образование (5), школы (5), университет (1), науки (2)*, т. е. предельно общо, без погружения в детали, мимоходом. Так же обсуждаются проблемы ЖКХ, зарплат, демографии, пенсионной сферы (за исключением пенсий военных специалистов) и экологии.

Мы уже отмечали слабую представленность в картине мира В. Путина собственно политической реальности (слов, обозначающих отнесенность людей к той или иной партии, имен известных политиков). Та же тенденция заметна и по отношению к названиям **политических партий, объединений, течений** и т. п. Наиболее частотными оказались абстрактное наименование *партия (6)* и *Единая Россия (6)*. В. Путин произносит также слова *либеральный (2), демократический (2), лейбористский (2), многопартийный (1)*. Парадоксально, но, по всей видимости, данная сфера находится на

периферии сознания В. Путина. Вероятно, он не относит себя к какой бы то ни было политической силе, а свою деятельность оценивает в другой системе координат (в противном случае, при его внимании к собственной деятельности, мы имели бы иную картину). Показательно, что в его речи отсутствуют названия других политических партий. В некотором смысле **политический процесс (политические партии, политическая борьба, выборы и пр.) предстает как необходимая деятельность для собственной политической активности**, которая развивается в других, более масштабных сферах.

Одним из самым масштабных смысловых полей картины мира В. Путина является **экономическая сфера** (899; 3,39 %). Несмотря на большую частотность, данная сфера уступает по встречаемости аналогичной смысловой сфере Г. Зюганова [См.: Белоусов 2011: 46—51]. Как и у Г. Зюганова, экономическая сфера в речевом пространстве В. Путина состоит из нескольких смысловых блоков — **общие понятия: экономика (37), цены (21), доход (19), рынок (19), хозяйство (12), бюджет (8), производство (8), долг (7), лицензия (7), конкуренция (6), субсидирование (6), ВВП (6)** и мн. др.; **ресурсы: ресурсы (16), деньги (14), доллары (14), газ (12), рубль (10), золотовалютные резервы (8), нефть (7), энергоресурсы (2), биотопливо (1), зерно (3), лес (1)** и мн. др. Среди актуальных для В. Путина **отраслей** экономики встречаем такие, как **отрасли (16), энергетика (12), нефтяная промышленность (4), электроэнергетика (2), атомная промышленность (4), капитала (11), строительство (10), сельское хозяйство (10), сельхозпроизводства (1), авиастроение (9), самолетостроения (1), судостроение (3), животноводства (1), автомобилестроения (1), торговли (1)**, т. е. доминирует добывающая сфера (энергетика). **Инфраструктура** относительно значима и проявляется в упоминании **инфраструктуры (16), аэропортов (3), портов (2), транспорта (6), канализации (2), водоснабжения (1), магазинов (1), виадуков (1), а также поездов (3), самолетов (3), авиации (3) и троллейбусов (1)**. Отдельный интерес в «экономическом блоке» представляет упоминание **компаний: Газпром (13), БИ-ПИ (13), Лукойл (3), Рургаз (3), ТНК (2), Боинг (2), Аэрофлот (2), Роснефть (1), Ниссан (1), Коноко-филипс (1), Юкос (1), Эйрбас (1), EADC (2), Тойота (1), Шелл (3), Буиг (2)**. Видно, что практически в равной степени упоминаются как российские, так и зарубежные компании. **Это может свидетельствовать о большой заинтересованности В. Путина в технологиях и капиталах европейского и азиатского бизнеса, а также о намеренной демонстрации равноправия российского и зарубежного бизнеса в России (и требование того же равноправия для российского бизнеса за**

рубежом). Это хорошо показывает, что для В. Путина произнесение имени является актом политическим и отнюдь не случайным.

Эмоциональная сфера (88; 0,3 %) свидетельствует об относительной значимости для В. Путина эмоциональной оценки, переживания какого-либо события. Часто это переживание выдается за сопереживание с собеседником, с которым В. Путин выстраивает взаимодействие на глазах всей страны (например, в ежегодных телемостах). В то же время он часто выражает свое отношение к предмету речи (ср. словоформы *удивление, понравилась, удручающий, прискорбие, сожалеть* и мн. др.). Эмоциональная сфера поддерживает прежде всего фатический элемент коммуникации, предшествующий выражению позиции политика при непосредственном контакте с собеседником. Место, которое занимают слова, относящиеся к данной сфере, указывает на второстепенность выражения собственных эмоций и на четкий контроль и подчинение эмоциональных импульсов другим компонентам образа мира В. Путина.

Сферы, составившие реконструированный образ мира В. Путина, образуют цельное иерархизированное пространство, отражающее распределение ценностных установок политика. Отметим, что данное распределение приоритетов, отражаясь в речи, демонстрирует скрытые мотивировки интересующего нас субъекта политической жизни и потому обладает объяснительным потенциалом по отношению к его деятельности (образ мира, формируясь в деятельности, в деятельности и проявляется).

Непроизвольно выраженные доминанты аксиологической шкалы, скорее всего, обуславливают стратегию поведения данного политика и позволяют предсказать сценарии развития тех областей общественно-политической или экономической жизни, за которые он несет ответственность. Так, мы считаем, что полученный в процессе исследования результат о явном преобладании в образе мира В. Путина военной сферы над социальной (милитаризованность образа мира) в некоторой степени объясняет направленность актуальной бюджетной политики, в которой можно наблюдать рост государственных расходов на ВПК и силовые структуры за счет уменьшения финансирования образования и здравоохранения. Очевидно, что аналогичный анализ речевой деятельности современных политиков способен прояснить степень влияния конкретных личностей на социополитическое состояние страны и то, в какую сторону оно может измениться при активизации других агентов политической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. — М. : Наука : Смысл, 1999.

2. Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Картина мира современного российского общества: концептуальный анализ. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2011.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 75—94.
4. Зинченко В. П. От генезиса ощущений к образу мира // А. Н. Леонтьев и современная психология. — М. : Изд-во МГУ, 1983. С. 141—149.
5. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. — М. : Педагогика, 1983. Т. 2.
6. Мазлумян В. С. Картина мира и Образ мира // Мир психологии. 2009. № 4. С. 100—108.
7. Осгуд Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. — М., 1972. С. 278—297.
8. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. №4. С. 109—119.
9. Система графосемантического моделирования / Д. А. Баранов, К. И. Белоусов, И. В. Влацкая, Н. Л. Зелянская. — М. : Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. — Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.
10. Сычев О. А. Проявление особенностей образа мира в прогнозировании // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 76—2. С. 254—258.
11. Тарасов Е. Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6—10.
12. Riffe D., Lacy S., Fico F. G. Analysing media messages: Using quantitative content analysis in research. — Mahwah, NJ : Erlbaum, 2005.
13. Holsti O. R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. — Reading, MA : Addison-Wesley, 1969.
14. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов